

— Одинъ изъ стамбульскихъ царей, которому принадлежалъ въ то время Крымъ, однажды прогуливаясь въ окрестностяхъ своей столицы, прилегъ и заснуль въ апельсиновой рощѣ. Пробудившись, онъ увидѣлъ около себя молодую дѣвушку, которая держала въ рукахъ ядовитую змѣю.

— Это что значитъ?—спросилъ онъ съ удивленіемъ.

— Это значитъ то, что мерзкая гадина эта хотѣла пробраться въ пазуху твою, но я во время подоспѣла и теперь наслаждаюсь не твоими, а ея страданіями.

— Такъ ты спасла мнѣ жизнь?

— Не знаю, можетъ быть,—отвѣчала дѣвица.

— А знаешь ли ты, кто я?

— Нѣтъ, не знаю и не интересуюсь знать.

— Я царь, и поэтому хотѣлъ-бы вознаградить тебя.

— Награды твоей мнѣ не надобно. Я больше всего люблю апельсины, которые ростутъ здѣсь въ изобилии.

— Но, можетъ быть, я могу оказать какую-либо услугу твоимъ родителямъ?

— Обѣ этомъ надобно спросить у нихъ.

Сказавъ это, дѣвушка приложила голову змѣи къ землѣ и раздробила ее камнемъ.

— Я быль-бы очень радъ,—сказалъ царь:—еслибы ты узнала, въ чёмъ нуждается твой отецъ?

— Пожалуй, я спрошу и передамъ тебѣ, если ты завтра придешь сюда.

На слѣдующій день, въ условленное время, падишахъ явился въ апельсиновую рощу и съ улыбкою подошелъ къ знакомой дѣвушкѣ.

— Ну, что тебѣ сказали родители? Могу-ли я быть имъ полезенъ?

— Да, можешь, но это не дешево тебѣ обойдется.

— Навѣрно дешевле, чѣмъ жизнь моя для меня стоитъ,—отвѣчалъ падишахъ.

— Мой отецъ проситъ тебя, чтобы ты переселилъ его съ единоплеменниками своими въ ту страну, которую онъ однажды видѣлъ и которая понравилась ему; но я не съумѣю назвать тебѣ этой земли. Мнѣ говорилъ только отецъ, что она принадлежитъ тебѣ.

— Въ такомъ случаѣ передай ему, чтобы онъ завтра пришелъ ко мнѣ. Желаніе его я исполню безотлагательно. Но чтобы онъ могъ безъ затрудненія достигнуть до меня, вручи ему этотъ перстень, который онъ долженъ показать моимъ служителямъ.

На слѣдующій день къ султану былъ допущенъ старикъ неизвѣстного происхожденія. Царь обнялъ его, какъ друга и, выслушавъ его просьбу, изъявилъ согласіе переселить его съ единовѣрцами въ Крымъ на собственный счетъ.

Недѣлю спустя множество судовъ были приготовлены для переселенія неизвѣстныхъ странниковъ съ ихъ семействами въ

отдаленную Тавриду. При прощаніи съ ними султанъ обѣщалъ всегда оказывать свое покровительство, но съ тѣмъ, чтобы они присыпали ежегодно къ тому дню, когда онъ спасенъ былъ ихъ дѣвушкою отъ жала змѣи, нѣсколько молодыхъ людей, которые выражали-бы радость свою пляскою национального танца.

Такимъ образомъ наши предки очутились на берегахъ Крыма. Искусская долина до того понравилась имъ, что всѣ они единогласно закричали на своемъ языке *истѣ-чутъ* и поселились здѣсь. Вотъ все, что мнѣ известно; но если-бы наши предки принадлежали къ греческому племени, они не имѣли-бы надобности отѣлиться отъ нихъ и жить за высокими каменными стѣнами.

15 Пчелка.

Въ низменныхъ мѣстностяхъ южнаго Крыма ростетъ въ дикомъ состояніи чрезвычайно оригинальное растеніе, цвѣтущее послѣ второй половины апрѣля. Туземцы называютъ его пчелкою неслучайно, а по изумительному сходству цвѣтка съ пчелою, которая какъ будто всѣми силами вилась въ трехлистенный блѣдо-лиловый серебристый цвѣточекъ, съ жадностю выставившій къ ней свой ротикъ. Пчела эта съ поднятыми къ верху хоботикомъ, усами, крыльями и жаломъ, окрашена темно-кофейнымъ бархатнымъ цвѣтомъ съ насѣчками водяныхъ просвѣтовъ и представляетъ до изумленія естественное положеніе живой пчелы, впившейся въ медовую чашечку цвѣтка и навѣки слившейся съ нимъ. Такихъ цвѣтковъ на каждомъ стеблѣ бываетъ отъ 3 до 5.

Я уже говорилъ раньше, что восторженные обитатели южной Тавриды, всегда склонные къ воспроизведенію мнѣовъ и въ наше время, смотря на такую грациозную игру природы, не остались-бы равнодушно-молчаливыми зрителями и навѣрно придумали-бы какое нибудь чудо для разъясненія причины сверхъестественного явленія.

Вотъ небольшая легенда, выслушанная мною, когда я впервые остановилъ мое вниманіе на этомъ цвѣткѣ и желалъ поразить имъ мою услужливую хозяйку изъ первобытныхъ гречанокъ Тавриды.

— Не цвѣтку этому я удивляюсь—отвѣчала она—но тому событию, которое послужило поводомъ къ сотворенію его. Покойная бабушка моя, чрезвычайно любившая передавать намъ разнаго рода преданія старины, сообщила мнѣ, что цвѣтокъ этотъ называется мелиса (пчела) и впервые выросъ надъ могилою двухъ невинныхъ существъ, любившихъ другъ друга до полнѣшаго самопожертвованія.

— Какимъ-же это образомъ случилось?

— У какого-то могущественнаго князя нашей страны была прелестная дочь, которая засватана была съ сыномъ сосѣдняго архонта чуть-ли не со дня рождения. Дѣвушка эта никогда не видѣла жениха своего, но очень часто слышала отъ стороннихъ

лицъ о его свирѣости и дурномъ обращеніи съ подданными отца. Мысль связать свою судьбу съ такимъ варваромъ не разъ заставляла ее плакать въ объятіяхъ матери и просить измѣненія печальной участіи.

— Ничего не зависитъ отъ меня, моя любимая дочь,—отвѣчала немощная старуха—ты знаешь какъ строгъ и неумолимъ твой отецъ. Мои просьбы и слезы подѣйствуютъ на него только на перекоръ нашимъ желаніямъ и онъ изъ боязни, чтобы ненависть твоей къ жениху не усилилась, навѣрно послѣшитъ выдать тебя замужъ. Попробуй дитя мое сама переговорить съ нимъ, авось онъ пожалѣеть тебя.

Вскорѣ послѣ этого разговора съ матерью, прелестной дѣвушкѣ пришлося убирать голову отца, который оставилъ оченъ доволѣніемъ ея заботливостю и усердіемъ, изъявилъ желаніе исполнить одну изъ просьбъ ея. Мелиса, обрадованная этимъ случаемъ, заявила, что ничего болѣе не желаетъ, какъ остататься на всегда при немъ въ дѣвичьемъ, независимомъ состояніи.

— Но я вѣдь невсегда могу жить—сказалъ князь—кто же будетъ твоимъ защитникомъ послѣ моей смерти?

— Меня всѣ будутъ защищать, потому что я всѣмъ дѣлаю добро и лично помогаю.

— Нѣтъ дочь моя я не властенъ измѣнить назначенія женщины: ты должна выйти замужъ, когда потребуется этого твой женихъ. Проси у меня чего нибудь другаго.

— Я все остальное имѣю.

Одновременно въ небольшомъ стадѣ бѣлыхъ козъ, воспитываемыхъ Мелисою, не стало пастуха, случайно упавшаго въ пронастѣ. Отецъ ея назначилъ одного изъ молодыхъ людей взамѣнъ старика. Мелиса долго не рѣшалась навестить свое стадо, но однажды противъ воли направилась къ нему и до того была изумлена красотою пастуха, что рѣшилась заговорить съ нимъ и спросить кто его родители.

Это моя тайна—отвѣчалъ юноша. Если-же я нанялся у твоего отца, то не скрою отъ тебя моей жажды видѣть тебя хоть разъ въ мѣсяцъ.

— Неужели это доставляетъ тебѣ такое наслажденіе?

— Еслиъ ты могла проникнуть въ мое сердце, то навѣрно вопросъ этотъ показался-бы тебѣ лишнимъ. Я смотрю на тебя съ благоговѣніемъ и ни съ чѣмъ не могу сравнить. Ты мнѣ мила какъ пчелѣ медовой цвѣтокъ, какъ амуръ богинѣ любви, какъ чистая струя воды для жаждущаго, какъ воздухъ для животнаго.

— Гдѣ-же ты успѣлъ такъ очароватьсѧ мною?

— Я видѣлъ тебя во снѣ и издали пришелъ убѣдиться въ справедливости моего сновидѣнія.

— И ты рѣшился насти моихъ козъ?

— Мнѣ сказали, что ты очень любишь этихъ животныхъ, а что ты любишь, то будешь мило и для меня.

— Тебя не обманули. Я такъ люблю любоваться ими, что буду навѣщать ихъ по прежнему чрезъ день.

— Въ такомъ случаѣ я буду служить тебѣ долго.

— Не думаю, потому что мнѣ предстоитъ выходъ замужъ и вслѣдъ затѣмъ разлука съ родиною.

— Я послѣду и въ новое отечество за тобою, если ты станешь держать козъ.

— Скажи мнѣ твое происхожденіе? Я слышу по голосу твоему, что ты сынъ благородныхъ родителей.

— Такихъ-же какъ и ты, но откуда прибылъ этого ты не знаешь, потому что ты запрограмма уже отцомъ, а то что запрошдано, того не вернешь.

— Это правда—отвѣчала со вздохомъ Мелиса и присѣла на зеленую травку.

Тріяфиль расположился у ногъ ея. Долго они сидѣли молча, но глаза ихъ поминутно встрѣчались и говорили несравненно больше искреннѣе, чѣмъ языки. На слѣдующій день княжна принесла молодому пастуху разныхъ сладостей и какъ наканунѣ провела съ нимъ нѣсколько часовъ. При прощаніи она слова спросила его о происхожденіи, но онъ поклялся, что не откроетъ его до того времени, пока она будетъ невѣстою другаго. Отвѣтъ этотъ настолько понравился Мелисѣ, что съ этой минуты она смотрѣла на прекраснаго пастуха своего, какъ на существо высшее и достойное обожанія.

Дальнѣйшія посѣщенія княжны своихъ любимыхъ козъ, не рѣдко находящихся въ отдаленіи отъ жилищъ, все болѣе и болѣе сближали эти два чудныхъ существа, а въ заключеніе они предались другъ другу безпредѣльною братскою любовью. При разлукѣ каждый изъ нихъ вытиралъ невольно выступавшія изъ глазъ слезы, какъ-бы изъ боязни, чтобы случайность не воспрепятствовала имъ вторично свидѣться.

Однажды Мелиса, противъ обыкновенія, пришла къ другу своему гораздо раньше и, падая въ объятія его, залилась горькими слезами.

— Это что означаетъ—заботливо спрашивалъ Тріяфиль—не обидѣлъ-ли тебя отецъ, или кто нибудь другой, желающій умереть отъ моей руки?

— Ахъ, еслиъ ты зналъ, мой нѣжный другъ, какой ужасный сонъ мнѣ снился сегодня ночью. Я видѣла, будто женихъ мой прїѣхалъ и приказалъ намъ спрыгнуть съ Айпетринского шпица*) и мы безъ всякихъ возраженій взялись за руки и бросились въ эту страшную пропасть.

— Это навѣрно доказываетъ, что прїѣдетъ твой женихъ и увезетъ тебя—отвѣчалъ мнимый пастухъ—сердце мое давно уже чувствуетъ, что счастіе наше непродолжительно.

— Неужели Богъ разлучитъ насъ? вскрикнула съ отчаяніемъ

*) Скала надъ Алуккою.

княжна. Неужели Онъ не видить какъ мы преданы другъ другу и какъ мы горячо молимся ему за доставленное счастіе?

— Будущее неизвѣстно человѣку, но я въ глубинѣ души ласкаюсь надеждою, что мы будемъ принадлежать другъ другу во всѣхъ вѣковъ.

„Ты не ошибаешься!“ внезапно прозвучалъ въ гротѣ, гдѣ сидѣли молодые люди, таинственный голосъ.

Трияфиль и Мелиса съ ужасомъ вскочили съ мѣста въ предположеніи, что кто нибудь, подслушавъ ихъ разговоры, издѣвается надъ ними, но ни въ гротѣ ни въ окрестностяхъ его никого не оказалось. Изумленные друзья на этотъ разъ разлучились въ какомъ-то необъяснимомъ состояніи.

Тѣмъ временемъ женихъ Мелисы, расчитавъ, что она достигла совершеннолѣтія, пожелалъ лично взглянуть на нее и прибылъ въ Таврику. Престарѣлые родители чрезвычайно обрадовались богатому и знатному зятю. Когда-же онъ заявилъ имъ, что невѣста вполнѣ удовлетворяетъ его вкусу и желаніямъ и что намѣренъ не откладывать бракосочетанія, старики немедленно начали подготовляться къ брачному пиршеству.

Слухи обѣ этомъ скоро дошли до Трияfila, который не допускалъ такого быстраго измѣненія въ своей судьбѣ. Печальнную вѣсть эту подтвердила ему и сама Мелиса.

— Да будетъ надо мною воля Божія—сказала она, прижимаясь къ другу—я увѣрена только въ одномъ, что послѣ разлуки съ тобою глаза мои не осушатся отъ слезъ. Ты для меня былъ и будешь дороже матери и отца, ты выше кровнаго брата и слаже нѣжной сестры. Предъ глазами моими ты вѣчно будешь рисоваться на зеленої полянѣ, окруженный бѣлыми козами, а уста упиваться ароматомъ твоихъ устъ. Конечно это будетъ одно только сновидѣніе, но сновидѣніе самое сладчайшее и единственное для утѣшения моего.

— А мнѣ кажется, что мы никогда не разстанемся—отвѣчалъ пастухъ. Тоже самое мнѣ сказалъ вчера и одинъ изъ пастуховъ, съ которымъ я иногда встрѣчаясь на горахъ, а онъ считается самымъ мудрѣйшимъ въ искусствѣ предсказывать будущее.

— Я не могу къ несчастію повѣрить твоимъ радужнымъ надеждамъ въ виду предстоящей свадьбы и отѣзда моего изъ этой страны. Одно только можно допустить, что ты послѣдуешь за мною и мы, вѣчно принадлежавшіе другъ другу, будемъ видѣться издали.

— Предоставимъ Богу наше будущее—отвѣчалъ Трияфиль, крѣпко прижимая къ груди своей прелестную хозяйку, и уста ихъ слились по прежнему въ длинный поцѣлуй.

Мелиса ежедневно начала посѣщать друга своего. Отлучки ея конечно обратили вниманіе страстно влюбленного жениха и возбудили въ немъ желаніе убѣдиться, куда и зачѣмъ ходитъ Мелиса въ отдаленные мѣста.

— Она чрезвычайно любить свое стадо бѣлыхъ козъ—заявилъ

отецъ—и съ дѣтства навѣщаєтъ его. Я очень радъ, что это служить поводомъ къ ея прогулкамъ.

Женихъ не отвѣчалъ ничего, но ласкаясь надеждою сблизиться съ чуждавшоюся его подругою вдали отъ людей, рѣшился отправиться за нею въ надеждѣ расположить красавицу къ себѣ. Въ этихъ мечтахъ онъ проснулся раньше обыкновенного и, вооружившись какъ охотникъ, началъ выжидать минуты, когда Мелиса выйдетъ со двора. Княжна не заставила долго ожидать его, потому что послѣ легкаго завтрака сейчасъ-же вышла изъ комнаты. Нѣсколько времени спустя послѣдовалъ за нею и женихъ, рѣшившись скрыть отъ нея свою прогулку.

Часъ спустя Мелиса, неподозрѣвавшая стороннаго наблюденія, была уже въ объятіяхъ Трияfila и уста ихъ были крѣпко сомкнуты въ моментъ, когда подкрался къ нимъ князь.

Картина эта настолько возмутила властолюбиваго и ревниваго жениха, что онъ выхватилъ изъ калчана отравленную стрѣлу и что было силы выпустилъ ея изъ лука своего. Смертоносное оружіе пронзило насквозь обоихъ молодыхъ людей, но они остались въ объятіяхъ съ слившимися устами.

Жестокій сынъ архонда не возвращался болѣе къ родителямъ Мелисы.

День спустя разосланные на поиски люди сообщили князю о найденной дочери его. Несчастные родители поспѣшили на мѣсто, но всѣ усилия разнять два тѣла оказались напрасными. За нѣсколько минутъ до погребенія убитыхъ въ Трияфиль узнанъ былъ младшій сынъ Скиескаго царя Скирула, съ которыемъ родители Мелисы были въ самыхъ дружественныхъ отношеніяхъ.

Молодые люди были похоронены въ сидячемъ положеніи въ одной могилѣ, надъ которой девять дней спустя появились въ большомъ числѣ цвѣты Трияfila (трелистvenника) съ Мелисою (пчелою) въ такомъ точно положеніи, въ какомъ поразила ихъ безжалостная рука.

16 Замокъ безчестія.

(Греческая легенда).

Въ тѣ времена когда Парѳенитъ *) былъ важнымъ коммерческимъ городомъ въ Тавридѣ, къ нему стекались чуть-ли не со всего міра торговые люди. Слѣдя имъ, посѣщали эту восхитительную страну и многіе любознательные архонты и царевичи, которые отъ праздности предавались здѣсь всевозможнымъ пиршствамъ и порокамъ въ полномъ убѣжденіи, что шалости ихъ навсегда останутся неизвѣстными родителямъ и подданнымъ. Вотъ эти послѣдніе, говорившись между собою, построили громадный замокъ съ башнями, галлереями, зеркальными стѣнами и фонтанами

*) Нынѣ татарская деревушка того-же имени подъ Медвѣдь-горою.